

корреспонденты «Камско-Волжской газеты» и С.Я. Капустин как корреспондент «Восточного обозрения» сотрудничали с областниками по дружбе гораздо позже; у С.С. Шашкова короткое увлечение сепаратизмом возникло тоже не в Казани, а в Петербурге, и правоверным областником он так и не стал. Н.М. Павлинов доказывал, что «Сибири нужно только свое уложение, своя финансовая система, но что отделение Сибири поведет только ко вреду ей» [5. С. 176]. Между тем, областная финансовая система есть явный акт сепаратизма, а государственные бонны предполагают большее закрепощение, и, что бы ни крылось за двойственной фразой Н.М. Павлинова, его сторонникам, «надеявшимся только на постороннюю помощь из-за Урала и не верившим в возможность проявления собственного „я“»

[16], с областниками пришлось не по пути. В основном, студенты, переведшиеся из Казанского университета в С.-Петербургский, ничем как сибиряки себя не проявили: если в Казани они считались таковыми, то в столице обратились в казанцев – «у них слышались только казанские воспоминания» и «казанские студенческие песни», они мало чем интересовались [2. Т. 4. С. 292] и запомнились Потанину с Ядринцевым потреблением пива и игрой в карты. Зададимся вопросом: «А был ли мальчик?» Если бы природа областничества оказалась верно понятой, не было б и речи о казанском «кружке», даже не могшем иметь духовные скрепы и очень странно рассеянном во времени. Отрицательный результат – тоже хороший результат, если принят как отрицательный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томский обл. краеведческий музей. Оп. 14.
2. Литературное наследство Сибири. Т. 4–7. Новосибирск, 1979–1986.
3. Потанин Г.Н. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1914. 9 марта. № 51. С. 3.
4. Потанин Г.Н. Письма. Т. 1–5. Иркутск, 1987–1992.
5. Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002.
6. Сибирское областничество. Биобиблиографический справочник. Томск, 2001.
7. Харусь О.А. Сибирское областничество. Биобиблиографический справочник // Вестник Том. гос. ун-та. 2003. Март. № 276. С. 212.
8. Пелых Г.Н. Потанин о роли общины в истории человечества // Вестн. Том. гос. ун-та. 1998. Т. 266. Январь. С. 23–27.
9. Потанин Г. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. С. 196.
10. Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 32.
11. Головачев М.П. От общего к частному // Сибирские вопросы. 1921. № 1. С. 64.
12. <Потанин Г.Н.> Что такое физиономия? (Заметка о современных задачах этнографии) // Камско-Волжская газета. 1874. 11 января. № 5. С. 17.
13. Соложеницын А.И. Как нам обустроить Россию. Посетительные соображения. М., 1990.
14. Распутин Валентин. Что в слове, что за словом? Иркутск, 1987. С. 164.
15. Захаренко А.Т. Из истории сибирского землячества в Казанском университете. Вторая половина 1850-х гг. // Казанский университет. Сб. аспирантских работ. Гуманитарные науки. Право. История. Кн. 1. Казань, 1968. С. 5–6.
16. Адрианов <А.В.> К биографии Г.Н. Потанина // Сборник к 80-летию со дня рождения Г.Н. Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915. С. XIII.

Статья представлена кафедрой общего литературоведения Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 12 февраля 2004 г.

УДК 882-1/-9-4(5 71/5)

Г.Н. Потанин

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ И МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Публикация и комментарий К.В. Анисимова

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 03-04-00242 а Т

Публикуемая статья Г.Н. Потанина может рассматриваться сегодня как важный источник для понимания принципиальных особенностей областнического мировоззрения и рассматриваться в одном ряду с такими работами автора, как «Областническая тенденция в Сибири» (1907) и «Нужды Сибири» (1908). Проблематика «Возрождения России...» связана с поднимавшимися в ключевых текстах областнической публицистики вопросами формирования региональной интеллигенции, ее культуры и самосознания.

Брошюра Г.Н. Потанина «Возрождение России и министерство народного просвещения», изданная в 1919 г. красноярским Союзом областников-автономистов, является малоизвестным трудом крупнейшего представителя сибирской интеллигенции. Написанная и напечатанная в период распада страны, хаотической смены властных группировок в Сибири, она оказалась исключена из научного оборота.

Републикация статьи представляет тем больший интерес, что поднимающиеся в ней вопросы связаны отнюдь не только со «злостью дня» 1918–1919 гг., ожидаемой от продолжающегося находиться в гуще социальной борьбы почти 85-летнего Потанина. Значительная часть работы посвящена «вечным» проблемам сибирской культурной жизни второй половины XIX – начала XX в.: реакции местного общества на политические инновации, приходящие из центра, роли региональной образовательной системы в создании и воспитании интеллектуального ресурса области и т.д. Кроме того, словно подводя итог многолетним размышлениям об областничестве, Потанин дает здесь сжатый, но предельно емкий по содержанию очерк «патриотического» самосознания, его психологических и биографических корней. Этот раздел не случайно помещен ав-

тором в самом начале работы – как ключ ко всем остальным ее темам.

Вероятнее всего, статья писалась в первой половине 1919 г., в преддверии обрушившихся на Потанина болезней: на это время указывает имеющаяся в тексте ссылка на выпуск омского «Правительственного вестника» от 26 декабря 1918 г. с интервью Г.К. Гинса, которого автор цитирует. Кроме того, именно в январе 1919 г. были выработаны устав и официальная программа красноярского Союза областников, зарегистрированные окружным судом 25 марта 1919 г. Руководимый Вл.М. Крутовским, красноярский Союз, в частности, «ставит своей задачей издавать газеты, выпускать листки, печатать брошюры, книги и др. <угие> печатные произведения...» [1. Л. 94–94 об.]. При этом связь красноярских областников с Потаниным установилась несколько раньше.

«Союз областников автономистов в Красноярске образовался в 1917 г., вскоре же после февральской революции», – писал Вл.М. Крутовский [2. № 1. С. 75]. Если быть точным, образовался Красноярский отдел Центрального Сибирского комитета, который после Сибирского областного съезда, состоявшегося в октябре 1917 г., был переименован в красноярский Союз областников.

[Л. 36]. Тогда же, осенью 1917 г., Вл.М. Крутовский с товарищами принял решение включить Потанина в список представителей красноярского областного комитета, участвующих в выборах в Учредительное собрание. Потанин появился в списке за номером 1, за ним следовал сам Вл.М. Крутовский [1. Л. 32]. Находясь под сильным воздействием политических событий 1917–1918 гг., красноярцы, однако, не забывали о своих издательско-просветительских планах. Так, уже 27 ноября 1917 г. в повестке дня заседания Союза значился вопрос «об изыскании материальных средств для издательской деятельности по вопросам областничества» [1. Л. 45]. После преодоления в 1918 г. трудностей с регистрацией Союз действовал официально. В числе первых его шагов – избрание почетным членом Потанина, на что сибирский патриарх откликнулся приветственным письмом: «Спешу выразить свою глубокую признательность красноярскому Союзу областников-автономистов за оказанную мне честь, за избрание меня почетным членом Союза» [2. № 2. С. 105]. Здесь же он писал о своем постоянном внимании к журналу Вл.М. Крутовского «Сибирские записки», на страницах которого присылаемые им материалы появлялись регулярно. Одним из моментов этого взаимодействия Потанина и красноярского интеллигентского сообщества стало издание «Возрождения России».

Помимо работы Потанина, издательство красноярского Союза выпустило в 1919 г. отдельными брошюрами статьи Н.М. Ядринцева «Народно-областное начало в русской жизни и истории», «Сибирские литературные воспоминания. Очерки первого сибирского землячества в Петербурге», «Жизнь и труды А.П. Шапова. Биографический очерк». Члены организации также регулярно выступали с лекциями на исторические темы, на одном из их заседаний рассматривался вопрос об устройстве «склада для продажи областнической литературы» [1. Л. 36].

Содержание публикуемой работы позволяет рассматривать ее как вершину творчества Потанина пореволюционных лет. На первый взгляд, автор размышляет о двух совершенно разных предметах: формировании психологии областника и роли университета в жизни края. Различие это, однако, мнимое. Оба вопроса неразрывно связаны, поскольку соотносятся с более общей темой влияния на человека, воспитания его определенным образом.

Впервые человек испытывает стороннее влияние еще в семье, где закладываются основы его мировоззрения, позднее воспитательную роль берет на себя «низшая», как пишет Потанин, а затем и высшая школа. На всех этапах становления личности основной тенденцией воспитания должно быть формирование локального патриотизма: насколько ребенку желательно не терять связи со своей родиной, настолько же студенту и университетскому преподавателю нужно поддерживать контакт с местной средой. Только через развитие «местных инстинктов» можно, по мнению автора, воспитать патриотизм общерусский. «Судьба людей, которые не прерывали со своими детскими воспоминаниями и постоянно находились в связи с друзьями своего детства, загадки не составляет. В них медленно и неуклонно вырастает идея о служении той среде, в которой проходила их жизнь <...> Географический кругозор их расширялся до представлений об области; тогда появляется чувство, которое мы можем назвать местным патриотизмом. Но на этом дело не останавливается, – географический кругозор расширится до пределов государства, рядом с любовью к родине является идея об отечестве». Эта мысль Потанина представляет собой очевидную реминисценцию его давних рассуждений о «родиноведении», которое увлекало его в 70-е гг. XIX в. Так, в письме к А.С. Гацискому от сентября 1874 г. он писал о необходимости глубокого исследования родного края – противовесе поверхностному изучению природы вообще. Предваряя разъяснение задачкой формы образования, Потанин задавался

вопросом: «Будет ли разумно разрывать ребенка с его родной природой, чтобы на чуждых ему объектах упражнять его логическое мышление?» [3. Т. 2. С. 140]. Образование, по мнению теоретика областничества, должно состоять «в описании мира природы концентрическими кругами. Первый круг: окрестности школы, физическая география их и жизнь в них человека. Второй круг: область в физическом и социальном отношении. Третий круг – Россия» [3. Т. 2. С. 141].

Неожиданно, с современной точки зрения, звучит идея о неотвратимости увлечения человеком «без детских традиций», которого родители увозили за «1000 и 2000 верст от прежнего места жительства», крайностями «социальных утопий». Данный тезис играет важную роль в системе политических аргументов автора, результатом подобного воспитания становится интернационалистский «темперамент», предельным выражением которого является, по мнению Потанина, большевизм, характеризующийся в конечном итоге очень жестко: «Большевиковский эпизод в истории Сибири совершенно излишний, за время “хозяйничанья” последователей Ленина, присланного в Россию в “блindированном поезде”, в Сибири ничего не было сделано по местному вопросу». За этими суждениями просматривается и более существенный контекст.

Одной из тенденций областнической публицистики XIX в. была полемика с узко-социальными воззрениями демократической прессы. Еще в 1873 г. Н.М. Ядринцев отмечал в письме к Потанину, что «провинциальная теория не уkladась в новейший широкий кодекс служения человечеству. <...> Понятно, что социально-централистско-демократическая теория должна была отнестись к провинциальной теории с недоверием и даже с нетерпимостью...» [4]. В Сибири сложные отношения между областниками и левой печатью, которую со временем стали представлять преимущественно местные ссыльные, сохранились и четыре десятилетия спустя. В 1900–10-е гг. деятели левацкой прессы критиковали областников с самых разных позиций, поднимая иногда до философских высот. Например, в статье «Маленький национализм», помещенной в иркутском журнале «Багульник», В.А. Ватин-Быстрянский рассматривал областничество в контексте зарождения и постепенного отмирания национального чувства: «Из мощного <...> исторического явления, каким являлось национальное чувство в эпоху образования современных государств <...> оно превратилось в тормоз исторического развития»; «Место отжившего национального чувства должна заступить и заступает на наших глазах привязанность к более широкому коллективу – человечеству» [5]. Выстраивая свою концепцию психологического и идейного формирования «патриота», Потанин спорит, как представляется, именно с этим комплексом воззрений. Его задача – доказать, что приверженность родине естественно присуща человеку как биологическому существу, является врожденным его свойством, а не хронологически обусловленным этапом исторического процесса, подобным экономической формации (справедливость предположений Потанина впоследствии была доказана одним из представителей американской «гуманитарной географии» именно на примере детской психологии [6]). Не случайно много раньше, в 1873 г. Потанин уподоблял патриотизм инстинкту: «Местный патриотизм – это могущественный инстинкт, не призванный к жизни, бесполезно тащущийся, робко прозябающий в сердцах людей, и способный сотворить чудеса...» [3. Т. 1. С. 140]. Областничество как «инстинкт», как составляющая не только интеллектуального мира человека, но его глубинной психологической сущности – вот что может быть, по мысли автора, весомым аргументом в полемике с представителями левых политических сил, настаивающих на привязанности к человечеству вообще.

Текст статьи публикуется в соответствии с нормами современной орфографии, с исправлением очевидных опечаток.

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. 865. Оп. 1. Ед. хр. 1.
2. В. К. Хроника областного движения в Сибири // Сибирские записки. 1919.
3. Потанин Г. Н. Письма. Т. 1–2. Иркутск, 1987–1988.
4. Ядринцев Н. М. Письмо Г. Н. Потанину от 9 мая 1873 // Сибирские записки. 1918. № 2–3. С. 22.
5. Ватгин В. А. Маленький национализм // Багульник. 1916. № 5. С. 6.
6. Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspective of Experience. L., 1977. P. 19–33, 160.

1. ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ И ОБЛАСТНИКИ

Чем более развивается политическая жизнь в России, тем яснее диаметрально противоположность двух политических направлений – интернационализма и областничества. Соответственно с таким распадением в теории и темпераменты разделяются на две группы – интернационалисты и областники представляются людьми двух различных типов. Каким путем образуются эти два темперамента, так не похожих друг на друга?

С раннего детства наша память обогащается от картин природы и от явлений человеческой жизни впечатлениями, которые, накапливаясь и повторяясь, становятся милыми нашему сердцу. Если это накопление впечатлений пройдет у человека с раннего детства до зрелого возраста без нарушений, то перед нами будет темперамент, сросшийся с местной природой и местным обществом всеми фибрами души. Но бывают случаи, когда глава семейства, у которого есть ребенок в возрасте от 2 до 10 лет, переезжает на службу в местность, лежащую на расстоянии 1000 и 2000 верст от прежнего места жительства. Ребенка увозят из страны, к которой он привык и которую он начал уже любить. Приходится оторвать его от любимых улиц, от любимых полей и лесов и поставить в совершенно новую обстановку, перенести от милого севера в сторону южную или наоборот. У ребенка происходит ломка души, он заливается горькими слезами, расставаясь с дорогими ему картинками и с друзьями своего детства. И долго он на новом месте не может привыкнуть к другой обстановке. Конечно, он затем примирится с переменой, найдет прелесть и в новых образах, но представьте, что в течение его жизни до зрелого возраста судьба произведет несколько раз подобного рода ломку его души. В нем воспитается темперамент, который привыкнет к подобным ломкам, который без особенных страданий будет отрывать от старых привязанностей. И вот, перед вами интернационалист, экстерриториальный человек, у которого нет родины, в смысле одной какой-нибудь губернии, Томской или Енисейской; такой человек под родиной будет разумеать всю Россию от Калиша до Камчатки, или даже всю вселенную. У такого человека детские воспоминания не успели укрепиться в душе: не подновляемые в течение следующих годов, они забываются им; он не помнит цветов, родных полей, которые ласкали его детский глаз. Он вырос человеком без детских традиций.

Ренан¹ рассказывает, что он слышал на своей родине, в Бретани, легенды о затонувших на дне озер церквях и что будто бы и теперь в определенное время со дна озера доносится звон потонувших колоколов. Во времена детства и всей ранней молодости Ренан был верующим католиком. Впоследствии он сделался рационалистом, утратил веру, но потом, временами, он слышал в своей душе отклики старых своих религиозных настроений. Все-таки и потом, говорит Ренан, он слышал в своей душе

откуда-то издали несущийся звон католических колоколов. Несмотря на опустошение, которое жизнь произвела в его душе, Ренан сохранил в ней колокола своего детства. Возможно, что многие были менее счастливы, чем он, и частая перемена места жительства в тот восприимчивый период, когда привязанности укрепляются в памяти, не позволила им сохранить в своей душе зрелого возраста колоколов своего детства.

Пока я ограничусь высказанным выше соображением относительно темпераментов, лишенных детских традиций. Вероятно, будут сделаны указания и на другие условия, которые создают подобные темпераменты.

Судьба людей, которые не прерывали со своими детскими воспоминаниями и постоянно находились в связи с друзьями своего детства, загадки не составляет. В них медленно и неуклонно вырастает идея о служении той среде, в которой проходила их жизнь. Сначала они думали о служении тесному кругу самых близких людей, потом их симпатии раздвигались за пределы семьи, улицы и родного города. Географический кругозор их расширялся до представлений об области; тогда появляется чувство, которое мы можем назвать местным патриотизмом. Но на этом дело не останавливается – географический кругозор расширится до пределов государства: рядом с любовью к родине является идея об отечестве. Человек по-прежнему продолжает служить той среде, которая непосредственно его окружает; идея об отечестве не отрывает его от этого служения; он думает, что, служа местному населению, он тем самым оказывает услуги отечеству. Работая, например, на педагогическом поприще, он создает местных граждан, которые будут работать добросовестно на пользу всего государства. Так как он никогда не порывал своей связи с местной средой, то в ней он и находил нравственную поддержку во время своей общественной службы. Руководством в его деятельности ему служило общественное мнение и личные представления о том, что нужно и полезно обществу. В другом положении находится темперамент, в котором жизнь не выработала таких связей с обществом. Он не чувствует себя окруженным живой средой, и потому ему приходится правила для своего поведения и социального мышления вычитывать из книг и журналов. Он может обходиться без живой среды. Такой темперамент легко, без болезненного ощущения, переносится из одной страны в другую, он не заражен местными инстинктами или местными предрассудками и свободнее воспринимает крайности социальных утопий.

Какой темперамент из двух вышеуказанных категорий лучше способствует ходу социального прогресса, не окажется ли для прогресса более благоприятным тот темперамент, который легко и безболезненно отрывается от почвы, на которой родился? Не идет ли человечество к положению, при котором все темпераменты, не

оторванные от родной почвы, исчезнут и господствовать будут люди, освободившиеся от подобных связей?

Или эти связи со своим прошлым, эти колокола детства, это нахождение в плену у своей родины представляет культурную ценность, отбросить которую без ущерба для человечества невозможно? Можно ли признать идеальным положение, при котором человек в своих действиях подчиняется директивам, вычитанным из книг, а не велениям живой среды? Подчиняясь этим директивам, не сделается ли он игрушкой какой-нибудь мертвой теории или неосуществимой фантазии?

Кто воспитал свои общественные чувства на произведениях английского писателя Диккенса, тот, вероятно, помнит, как он старался спасти своего читателя от замены живого чувства сухой мертвой идеей. Диккенса возмущало поведение английских барынь, которые увлекались заботами о страждущих неграх, перевозимых из Африки в Америку для работы на хлопчатобумажных плантациях. Они записывались в общество покровительства неграм, собирали для них деньги, устраивали лекции и вообще много агитировали по негритянскому вопросу и в то же время не обращали никакого внимания на картины лондонской нищеты, которые были у них перед глазами.

Никто, разумеется, не станет утверждать, что Диккенсу было жаль английских денег, затрачиваемых на нужды черной расы; не о деньгах думал Диккенс, а о самих благодетельницах. Чем вызывалась их деятельность? Была ли она вызвана непосредственным соприкосновением с страдающей негритянской массой, или она навеяна чтением газет, литературной агитацией, модой или желанием подражать примерам других подобных же благодетельниц? Диккенс исходил из мысли, что истинная благотворительность вызывается только живым чувством, непосредственным соприкосновением с грустной действительностью.

Если же эта деятельность диктуется не собственным сердцем, пережившим тяжелые чувства при виде чужого горя, а навеяно извне, то фальшивость такой благотворительности легко обнаруживается, когда барыня натывается на действительное горе и не реагирует на него; в некоторых случаях она даже, может быть, нарочно избегает публичных мест, где может наткнуться на печальную действительность, избегает разговора о них, гонит из своей головы мысли, течение которых может привлечь ее внимание к картинам бедности на своей родине.

Покойный русский философ Лесевич² о таких барынях, занимающихся пустоцветной благотворительностью, говорил: они занимаются меблировкой своей души. В самом деле, они имеют в виду не освобождение кого-то от страдания, а удовлетворение собственного эгоистического желания наполнить свое праздное время какой-нибудь деятельностью.

Недавно где-то, вероятно, в газете крайне левого толка появилось заявление о Диккенсе как о буржуазном писателе. Ну конечно, Диккенс – друг буржуазии; для людей, у которых слово «демократия» не сходит с языка, он и должен таким показаться.

К чему он стремился, обличая английских барынь? Он находил их благотворительность сомнительной. Настаивая на том, чтобы их милосердие внушалось

живым чувством сострадания, он хотел поднять личность благотворителя над низменными побуждениями, которые на самом деле руководили им. Он стремился улучшить личность благотворителя, хотел фальшивых благотворителей заменить идеальными. Чтобы осуществить на земле социалистический строй, нужно много поработать над человеческой породой. Нужны не программные люди, а учителя, которые бы отучили людей от звериных мыслей и звериных поступков. Одним из таких учителей и был Диккенс.

Русская критическая мысль через ряд своих носителей, от Белинского, Чернышевского, Добролюбова до Н.К. Михайловского, пришла к убеждению, что интересами современного человечества нельзя жертвовать ради блага будущих поколений, для появления которых на свет Божий не родились еще и материнские утробы. Это значило бы для каких-то фантастических планов заглушать в своем сердце протест против печальной современной действительности. Число людей, не умеющих нормально думать и судить о будущем счастье людей, невелико, и в современном обществе найдется достаточно умов, чтобы удерживать их на правильном пути. Но русское общество в настоящий момент оказалось в особенном положении: чтобы здравомыслящие и трезвые люди восторжествовали, необходимо, чтобы за их спиной стояли ряды единомышленников, но этих рядов не оказалось; подготовить их не было нужных условий – свободы прессы и свободы школьного преподавания. Такие писатели, как Пешехонов, Мякотин и Милюков³, должны были посторониться и дать дорогу другим. Если так было к западу от Уральского хребта, то что же могло случиться по другую сторону его, в Сибири? Деловые люди были отгнаны на задний план, вперед выступили незрелые элементы, политическая начитанность которых ограничивалась одними партийными программами, а политическая практика заключалась в умении учитывать и составлять, когда нужно, большинство. Мы были свидетелями, как немногочисленная группа экстерриториальных обитателей Сибири, чтобы получить влияние в представительстве, примазывалась к группе сибирских инородцев и ководела ею исключительно в интересах своей партии; она ничего не делала для разрешения инородческого вопроса и пользовалась инородческими голосами, чтобы поддержать требование своей партии. Эти люди – господа недавнего прошлого – были для Сибири совершенно чужды. За время стояния своего у власти они не только не занимались разработкой сибирских вопросов, они даже их не ставили; они их совсем игнорировали. По их мнению, в задачу сибирского парламента такая законодательная деятельность не входит. От того и получился в Сибирской Областной Думе неожиданный скандал. Сибирские законодатели своим собственным постановлением закрыли Думу. Злее этого нельзя было посмеяться над сибирским населением⁴.

Из революционной формулы, завещанной нам немецким поэтом: «Бей в барабан, целуй маркитантку, а сам маршируй вперед»⁵, политическое подполье удержало только «бей в барабан, а сам маршируй вперед», а маркитантку выбросило. Но обыватели, стоящие вне подполья, не могут помириться с такой односторонней кастрированной формулой; они должны при-

бавить маркигантку, то есть восстановить права жизни, потому что они любят жизнь; они эту любовь не вычитали из книг или газет, а воспитали в себе, испытали на себе ее благодетельное действие. Они вынесли из своего постоянного общения с жизнью ряд святынь, которыми привыкли дорожить. Впоследствии, под влиянием рассудительной критики, они могли сделаться рационалистами, но рационалист, изменив свое отношение к этим святыням, не посмотрит на них легкомысленно, как на ненужный хлам. В воспоминаниях Пирогова⁶ есть место, где он говорит, что рационалист должен признать за мистицизмом сильную власть над человеческим духом: в подтверждение этого он рассказывает, как во время севастопольской кампании рационалист Бакунина, генеральша Крестовоздвиженской общины, распустила общину, не могла справиться с вольными правами сестер, и как сменившая ее мистичка Хитрово привела эту общину в порядок, сделала ее работоспособной, благодаря введенному ей монастырскому режиму⁷.

В этом мистицизме с его святынями есть одно обстоятельство, которое придает ему ценность. Он учит человека ставить некоторые нематериальные блага выше благ материальных, учит не продавать права первородства за чечевичную похлебку.

Революция послала русскому народу испытание, и он провалился на этом экзамене. Стоило Ленину дать понюхать запах чечевичной похлебки, и русские люди, бросив оружие, с тарелками в руках побежали получить свою долю похлебки. Все, любящие свое отечество, пришли в ужас от этого результата экзамена. Старая национальная трехчленная формула оказалась легковесной; православие и самодержавие, оказалось, не глубоко пускали корни в нацию. Только теперь мы увидели, как был губелен для нас полицейский строй государства. Духовенство, которое должно блюсти в народе законы нравственности, полицейским государством было превращено в касту, живущую отдельно от остального общества; оно было привлечено на службу полиции. Священники превратились в шпионов-

добровольцев. Дети духовенства учились в отдельных школах, семинариях и духовных академиях; это усиливало отчуждение духовенства от светского общества, от прихода. Гол.⁸ духовенства был не тот, что у прихода. Все внушения, что власть Бога выше всякой земной, в полицейском государстве потеряли под собой реальную почву. О светской школе нечего и говорить: она была всецело подчинена полицейской власти, наперекор Петру Великому, который говорил, что «науки не терпят подчинения».

Если герои подполья, нахлынувшие в месяц революции, оказались чужеземцами для Европейской России, то еще более чуждой волной они были для Сибири; они были незнакомы с нашими местными нуждами; им было скучно заняться нашими местными вопросами. За время хозяйничанья большевиков в Сибири ничего не было сделано по местному вопросу. Большевицкий эпизод в истории Сибири совершенно излишний. Ничего в строе нашей жизни большевики не изменили, точно они приходили к нам только для того, чтобы ограбить наши казначейства и банки и увезти за Урал наши капиталы. Они ушли, и мы остались при прежних ничтожных зачатках общественного благоустройства.

Есть растения, которые испаряют в воздух эфирные масла, в виде тонкого невидимого газа; газ окружает куст атмосферой. Стоит внести в эту атмосферу зажженную спичку, и пламя охватит весь куст. Вы будете видеть внутри пламени мелкие части цветов, листки и тычинки. Через несколько секунд пламя оторвется от ветвей куста и погаснет в воздухе, а цветы, как ни в чем не бывало, будут продолжать цвести, плоды спеть и растение довершать свой жизненный процесс.

Такой же опыт проделала с нами и история. Пришли большевики, на некоторое время погорели в нашей среде, а потом какая-то воздушная струя сорвала их с сибирской почвы и унесла в неизвестное пространство. А мы вновь стоим перед нашими местными задачами и будем довершать свой исторический процесс, временно прерванный большевиками.

II. МЕСТО УНИВЕРСИТЕТА В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Февральская революция разрушила русское государство. Русская армия постыдно оставила фронт, бросила оружие и отдала отечество в руки врага. Мы узнали страшную истину, что в русской народной массе не жила идея об отечестве. Это верно сообразил Вильгельм или, вернее, немецкие империалисты, которые могли получить верные сведения о русской народной массе от многочисленных своих корреспондентов, рассеянных по лицу России. Блиндрованный поезд с Лениным и его друзьями сделал свое дело; русская масса оказалась невоспитанною на идеях об отечестве, ее соблазнил передел земельного фонда, обещанный большевиками, и армия, оставившая поле сражения, разбежалась по деревням.

Мы сделали громадное упущение, которое только теперь заметили. Наше народное просвещение было основано на трехчленной формуле: православие, самодержавие и народность.

Эта формула преследовала цель не национальную, а династическую. Дореволюционный строй приносил выгоды только небольшому классу помещиков, а народная масса ощущала недостаток в земле. Правительство

поддерживало этот несправедливый строй. Понятно, что когда дисциплина и армия расшаталась и правительству и отечеству стала угрожать гибель, то народная масса к гибели этого несправедливого отечества отнеслась равнодушно.

Теперь все заговорили о воспитании масс на новых началах. Революция перестроила русскую жизнь, она строит ее на новых основаниях; на новых основаниях должна быть построена и народная школа.

Передовые ряды русского общества не поддерживали казенную трехчленную формулу; проповедовать русский патриотизм считалось неосторожным; это значило бы вести проповедь только на пользу немногочисленного государственного класса. Боялись, что проповедь о любви к отечеству, о чести и славе русского племени приведет только к шовинизму. Теперь мы можем безопасно выступить в новой школе с проповедью об отечестве, об обязанностях перед государством, о русском патриотизме. Заговорив о любви к родине, мы будем теперь уверены, что наша речь пойдет на пользу всей народной массе, а не отнесется только к какой-нибудь одной кучке.

Русская революция внесла в русскую жизнь одно полезное нововведение. Мы говорим об усвоенном среди журналистов обычае добиваться интервью у выдающихся публицистов и у государственных людей. В дореволюционное время такого обычая не существовало. Министры, вершители наших судеб, вроде Дурново⁹, в тиши своих кабинетов решали нашу судьбу, не знакомя нас со своими планами и благими пожеланиями; они находили это лишним и даже вредным. Теперь в русской жизни произошла перемена, государственные люди не только охотно делятся с журналистами своими мыслями и предположениями, но иногда и сами призывают журналистов в свои кабинеты для интервью. В настоящее время всеобщим убеждением становится мысль, что необходимо нашу школу сделать национальной, то есть в школьный курс ввести ознакомление учащихся со своей родиной, с условиями, в которых русскому человеку приходится жить, и с нашими национальными надеждами в будущем. Это течение русской общественной мысли обращает наши глаза на министерство народного просвещения; это министерство должно сыграть главную роль в истории возрождения России.

Сибирское правительство ставит в ближайшую очередь вопрос о народном просвещении, о его проектах и планах по этому предмету. Мы узнали интервью одного омского газетчика с товарищем министра г. Гинсом¹⁰, которое было помещено в издающемся в Омске «Правительственном Вестнике» (от 26 декабря 1918 г., № 31). Г. Гинс сказал: «Министерству предстоит выполнить две задачи: приближение школы к родине и приближение ее к жизни. Везде за границей школа закладывает фундамент гражданственности. Изучению родной страны отводится первое место. Не квасной патриотизм, не одностороннее освещение событий и политического строя, а изучение нужд и богатств страны, достоинств и недостатков ее культуры – должно составлять задачу школы. Знать одинаково всю Россию – значит знать слишком много или ничего не знать. Если бы сибирские школы научили ценить и любить Сибирь, уральские – Урал, а поволжские – Волгу, то этим самым, при условии достаточного освещения общенациональных задач, они приготовили бы настоящих дельных работников, которые сумели бы ставить конкретные, нужные и достижимые задачи по служению родной земле. Приближение к жизни может быть достигнуто большей практичностью воспитания. Основные понятия экономической географии, сельскохозяйственной экономики и товароведения будут полезнее гимназисту, чем философская пропедевтика и космография. Постоянные экскурсии учащихся для осмотра опытных полей, промышленных предприятий, коммерческих учреждений, торговых складов, музеев, все это должно составить часть учебно-воспитательной программы. Учащиеся приучаются внимательнее всматриваться в окружающую жизнь и интересоваться реальными практическими вопросами. Господствующим типом школы должны стать не классические гимназии, а реальные училища». Дореволюционная школьная система сильно грешила излишним бюрократизмом, который отрывал школу от общества. Можно только одобрить намерения министерства приблизить школу к обществу и

местной жизни. Для этого недостаточно изменения школьных программ, с целью большего их соприкосновения с нуждами местной промышленности; нужно, кроме того, привлечь к школе внимание местного населения. Это может быть достигнуто только путем радикального изменения всей школьной системы, начиная от низшей школы до университета включительно.

Надо бороться с проявляющимся иногда желанием отделить высшую школу от низшей; некоторые общественные деятели обращают свое внимание исключительно на низшую народную школу, настаивают на том, чтобы денежные суммы тратились только на школы, в которых учатся дети низшего класса, на бесплатные библиотеки для народного чтения и тому подобное. Одно время общества попечения о народном образовании в Сибири были заражены подобной идеей. В последнее время раздавался голос против расходования сумм на высшую школу, против открытия народных университетов. Все это – односторонние взгляды. Нужно школьную систему построить так, чтобы она представляла одно целое. Такой вывод я делаю из размышлений педагога Пирогова по университетскому вопросу. Со взглядами Пирогова по этому предмету меня познакомила статья Оршанского¹¹: «Университетский вопрос и проект университетского устава», помещенная в «Вестнике Европы» в январской книжке 1906 г. Пирогов в своей статье «Университетский вопрос» взял своим девизом слова Петра Великого «Науки подчинения и насилия терпеть не могут». Он видел в университете не одно лишь учебное учреждение, не один только научный институт, а орган воспитания общества. Он говорил: «Автономический университет без гласности и общественного мнения немыслим». По его мнению, общий единообразный устав для всех университетов не только не нужен, но и вреден. Каждому университету должно быть предоставлено право выработать свой местный устав. Устав должен быть начертан в общих чертах. Почему, например, несмотря на разнообразия в климате, каникулярное время распределено одинаково? Почему в Томске перерыв занятий не делается на два суровых зимних месяца? Состав курсов также должен быть разнообразен по областям, в особенности курсов доцентуры. Самая существенная реформа заключается в том, чтобы рядом с общеуниверситетским уставом за нашими университетами было признано право вырабатывать для себя местные статуты как для всего университета, так и для факультетов. В то же время такие местные статуты одни только могут удовлетворять тем своеобразным, индивидуальным жизненным условиям, которые столь различны в различных университетах. Система отдельных статутов для каждого университета одна в состоянии примирить те две крайние тенденции, которые замечаются в нашей университетской жизни – искание идеалов устава и стремлений к индивидуальности. Последняя найдет себе место и проявление в местных университетских статутах подобно тому, как мы это видим в Германии... «Я тогда только увижу, – говорит Пирогов, – университетскую коллегия живую, сильную, когда каждый из наших университетов разовьет свою деятельность на просторе и на свободе, по своим собственным убеждениям и примесам к местным требова-

ниям, распределяя свой бюджет с полной ответственностью перед лицом науки, государства и общества».

За сколько десятилетий до настоящего времени были заявлены эти здравые идеи Пироговым и, однако, ни одна строка из них не была проведена в жизнь.

Если бы университетская жизнь была построена по плану Пирогова, наш университет превратился бы из бюрократического учреждения в областное. Из университетов, находящихся на территории в русской империи, ближе всех к идеалу Пирогова подходит гельсингфорский.

В «Вестнике Европы» когда-то давно была помещена об этом университете статья Полоцкого¹². Гельсингфорский университет связан кровными узами со своей страной; он не является для страны учреждением чужим, мало известным; все его знает, все следят за его деятельностью и гордятся его знаменитостями. Университетский праздник, годичный акт, есть в то же время праздник для всего Гельсингфорса. Горожане устраивают студентам, получившим на голову лавровые венки, овалы и гулянья; публика образует хвосты, провожая их вдоль тротуаров. Пресса следит за ученой деятельностью университета; финляндскому обществу известно, что составляет славу университета, какие в нем есть специалисты, пользующиеся всемирной известностью. Оно знает по именам миссионеров, которые разосланы богословским факультетом университета для проповеди христианского учения в Африке, Азии и Америке, и следит за их судьбой. И если бы какая-нибудь варварская рука прекратила существование Гельсингфорского университета, то это вызвало бы огорчение во всей стране; финляндское общество не отнеслось бы безучастно к такому национальному горю. Гельсингфорский обыватель ясно понимает значение, связанное с кантиком, который студенты имеют на своих фуражках; он знает, что это за люди, которые отличают себя кантиком от остального населения; знает, зачем они учатся, какое употребление они намерены сделать из своих знаний, знает, что это не враги народной массы и не индифферентные люди, а что это ее друзья.

На площадях Гельсингфорса невозможны дикие картины избиения студентов, какие не раз бывали в Петербурге и Москве. Совсем в другом роде представляются университеты в остальной части русского государства. Это – чисто бюрократические учреждения. Никакой связи университета с учебным районом нет. Что в нем делается, мало кого интересует. Местное общество равнодушно к тому, какие профессора занимают в нем кафедры, лучше ли в нем подбор профессоров, чем в соседнем университете, наш университет чужой для населения учебного района; оно не считает его своим. Если бы университет был закрыт, немного бы нашлось обывателей, которые пролизили бы об нем слезу. Понятно, что профессор, занявший кафедру в таком университете, не связывает со своей педагогической деятельностью понятие о служении местному обществу. Он знает, что он получает жалованье от центрального правительства, и потому служит только ему одному. Если профессор, проявивший свои блестящие дарования, почему-либо покидает свою кафедру, это в местном обществе не вызывает никакой агитации, не организуется подача петиций, не принимается мер, чтобы посредством каких-либо льгот удержать профессора на старом месте.

Из университетов остальной России только в московском бюрократический характер замечен несколько слабее. Самый же бюрократический университет в России – это томский. Здесь до настоящего времени большинство профессоров не местного происхождения; кафедры, занятые уроженцами Сибири, считаются до сей поры единицами. Еще недавно местные уроженцы составляли незначительный процент в студенческой массе. Здесь еще менее, чем к западу от Уральского хребта, можно говорить о кровной связи университета с местным населением.

Русское полицейское государство покончило свое существование. Русская жизнь вступает на новый путь; вместе с этим система народного просвещения должна быть коренным образом реформирована. Университетский вопрос может быть разрешен в духе идей Пирогова. Университет должен стать центром духовной жизни учебного района; от него должны исходить по радиусам во все стороны руководящие указания. Чтобы сделать его действительным сосредоточением духовной жизни края, его нужно дополнить новыми факультетами. Религиозная жизнь края, художественное творчество, искусство, эстетическое образование, низшая и средняя школа, все это должно составить предмет его забот. Поэтому к существующим факультетам следует прибавить еще факультет богословский, педагогический и факультет по истории искусств.

Университет должен быть окружен обществами для разработки специальных знаний; ни одна отрасль научного знания не должна остаться сиротой; каждая наука должна найти себе приют в какой-нибудь приуниверситетской общественной организации. Умственная жизнь университета главным образом должна проходить не в аудиториях и не около кафедр, а вот в этих научных обществах при университете. Это лучше, чем что-нибудь другое, приблизит университет к жизни и обществу. Число людей, интересующихся университетской жизнью, возрастает; жизнь университета пойдет одним темпом с жизнью местного общества.

В дореволюционное время все заботы о народном просвещении лежали на чиновнике, так называемом попечителе учебного округа. Это был неудовлетворительный порядок. Редко, когда пост попечителя занимал истинный педагог, вроде Пирогова, Левшина, Яновского или Капустина¹³. По большей части попечителями становились бюрократы, которые смотрели на свою должность исключительно как на полицейскую.

С реформой в системе народного просвещения в пироговском духе значительная часть попечительских забот должна лечь на университет. Конечно, для некоторых функций должны быть сохранены должности попечителей или уполномоченных, но главное направление педагогической деятельности в крае должно принадлежать университету. Он единственный руководитель всей духовной и умственной жизни своего края, это головной мозг и главный нерв его; университет – это «властитель дум» местного общества.

При том отчуждении от местного общества, в каком в дореволюционное время жил университет, при выборах на должность ректора не обращалось внимания на то, насколько он пригоден для того, чтобы стать вождем активной университетской коллегии. При старых по-

рядках на эту должность обыкновенно выбирали лиц самых незамечательных; прежде всего требовалось, чтобы это был человек надежный, как это слово понимала полицейская среда, то есть человек равнодушный к политике; чем больше человек похож на мягкотелое животное, чем менее в нем огня и жизни, чем более он сонлив, тем более он годится на эту должность. В реформированном университете от ректора потребуются совершенно другие качества, качества неусыпного, боевого предводителя коллегии, энергично работающего в передних рядах местного общества.

Вся печать говорит теперь о создании национальной школы. Национальной не в том смысле, что школа должна получать содержание от наций бесплатно; печать говорит о школе, в которой преподавание клонится к тому, чтобы

внушить учащемуся юношеству любовь к родине и понимание своих гражданских обязанностей. Такую школу невозможно создать посредством одних попечительских приказов. Сам Пирогов ничего бы не поделал, если бы ему пришлось иметь дело с инертным обществом: тут может помочь только реформа народного образования, проведенная в пироговском духе. За создание новой низшей и средней школы должно взяться само общество, под руководством университетской коллегии. Новая школа, созданная таким путем, построит обучение на новых началах и перевоспитает народные массы в духе, более отвечающем истинным потребностям нации. Только такая школа приведет к действительному возрождению России. От министерства народного просвещения, единственно только от него зависит решение вопроса о возрождении России.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) – французский писатель, историк, филолог. Находясь в заключении по делу об отделении Сибири от России, Потанин переводит его книгу «Жизнь Иисуса». См. Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002. С. 56.
- ² Лесевич Владимир Викторович (1837–1905) – философ-позитивист, фольклорист. См. о нем в воспоминаниях Потанина: Литературное наследство Сибири Т. 7. Новосибирск, 1986. С. 87–101.
- ³ Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) – писатель, публицист, статистик. Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк, публицист. Милюков Александр Петрович (1817–1897) – писатель, критик, литературовед.
- ⁴ Открытие Сибирской Областной Думы планировалось 7 января 1918 г., однако тогда она была распущена большевиками. После крушения большевистских режимов в Сибири к осени 1918 г. Дума собралась вновь, но вследствие конфликта с образованной в сентябре 1918 г. Директорией объявила 11 ноября 1918 г. о своем самороспуске.
- ⁵ Стихотворение Генриха Гейне (1797–1856) «Доктрина» (1844), известное в России в переводе А. Н. Плещеева: «Возьми барабан и не бойся, / Целуй маркитантку звучней! / Вот смысл глупейший искусства, / Вот смысл философии всей!» и т.д.
- ⁶ Пирогов Николай Иванович (1810–1881) – медик, родоначальник военно-полевой хирургии, педагог.
- ⁷ Бакунина Екатерина Михайловна (1812–1894), оказавшись в осажденном Севастополе 17 января 1855 г., возглавила прибывшую туда в конце ноября 1854 г. из Петербурга Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия. Хитрово Екатерина Александровна (?–1856) в конце 1855 г. вместе с Е. М. Бакуниной возглавляла Крестовоздвиженскую общину в Симферополе, где умерла от тифа.
- ⁸ Смысл неясен. Вероятно, «голос духовенства».
- ⁹ Было два министра внутренних дел с фамилией Дурново: Иван Николаевич (1834–1903) в 1889–1895 и Петр Николаевич (1845–1915) в 1905–1906 гг.
- ¹⁰ Гинс Георгий Константинович (1887–1971) – юрист, журналист, историк, в 1918 г. товарищ министра просвещения Директории. Министром просвещения являлся В. В. Саложников.
- ¹¹ Оршанский Исаак Григорьевич (1851–?) – психиатр, публицист.
- ¹² Речь идет об очерке обозревателя «Вестника Европы» в 1868–1880 гг. Полонского Леонида Александровича (1833–1913) «Несколько дней в Финляндии. Из поездки в Гельсингфорс». Вестник Европы. 1872. Кн. 4. С. 766–802, о Гельсингфорском университете см. С. 779–781.
- ¹³ Н. И. Пирогов с 1856 г. являлся попечителем Одесского учебного округа. Левшин Дмитрий Сергеевич (1801–1871) – генерал от инфантерии, с 1858 г. попечитель Харьковского, в 1863–1867 гг. – Московского учебного округа. Яновский Кирилл Петрович (1822–1902) – математик, в 1878–1900 гг. попечитель Кавказского учебного округа. Капустин Михаил Николаевич (1828–1899) – юрист, с 1883 г. попечитель Дерптского, с 1891 г. – Петербургского учебного округа.

Статья представлена кафедрой русской литературы Красноярского государственного педагогического университета и кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 20 января 2004 г.

УДК 930(091); 930(092)

В. Д. Юшковский

К ВОПРОСУ О СИБИРСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ М. М. СПЕРАНСКОГО И Г. С. БАТЕНЬКОВА: В ПОИСКАХ «ДОБРЫХ ЗАКОНОВ»

В статье на конкретном историческом материале прослеживаются особенности мировоззрения творцов сибирских реформ начала XIX в. Сопоставляются политические и философские взгляды «учителя» и «ученика», рассмотрены причины, обусловившие их сближение и плодотворное сотрудничество. Показан сложный поиск законодательных преобразований, необходимых Сибири

Огромный сибирский край, простирающийся на многие тысячи верст, с его неисчислимыми богатствами, безбрежными лесами и полноводными реками достался России, надо признать, сравнительно легко. Но благодушие по этому поводу, не успев окрепнуть, сменилось растерянностью: подчинить державной воле новые земли оказалось во многом проще, нежели управлять этой обширной территорией «на началах законности и порядка». Поиски верной, наиболее эффективной системы управления Сибирью показали со всей очевидностью и незнание края, который русские

люди присоединили к «коренным» своим землям, и отсутствие четко выраженной политической линии в отношении так называемых национальных окраин. «Беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь, как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено прикащикам, более или менее честным, более или менее искусным, – писал Ф. Ф. Вигель. – Поместье всегда исправно платит оброк золотом и серебром, железом, мехами, а ей только и надобно; о нравственном и политическом состоянии его она мало